

Идеи и методы когнитивной науки в исследованиях международных отношений и внешней политики

Максим Александрович Сучков, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Андрей Анатольевич Байков, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: suchkov.m@my.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

В исследованиях международных отношений наблюдается ренессанс интереса к изучению моделей принятия решений, связанных с влиянием индивидуальных и групповых акторов и проистекающей из этого необходимостью понимания их глубинной психологии, характера их стимулов и мотиваций. Подобные исследования актуализируют применение поведенческих и когнитивной наук в сфере международных отношений и внешней политики, побуждают к адаптации методологии профильных дисциплин к решению сложных общественно-политических проблем. Настоящая обзорная статья – попытка инвентаризации ключевых тем и литературы в данной области, а также демонстрация прикладного применения существующих теорий для анализа актуальных политических сюжетов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

когнитивная наука, когнитивные исследования, когнитивная психология, международные исследования, международные отношения, внешняя политика

Введение

Начало современного периода активных междисциплинарных исследований, объединяющих в себе основные достижения нейробиологии и теории международных отношений, относится к середине 1970-х гг., хотя первые разработки в этой области появились гораздо раньше¹. Длительное время – с середины XIX в. и до конца Второй мировой войны – подобные исследования были табуированы преимущественно по причине злоупотребления «биологизацией» (расизм, евгеника, социальный дарвинизм и пр.) при описании социальных систем. В результате дискуссии по тематике когнитивных наук и их применения в социологии, которые уходили корнями в биологическую интерпретацию проблемных вопросов, были поставлены на паузу – возобладала «антинатуралистическая мысль»². С середины 1970-х гг. «биологические аргументы» вновь стали появляться в научной литературе, что было связано преимущественно с развитием и популяризацией молекулярной биологии, генетики поведения и нейрокогнитивных наук³.

Когнитивные теории позволяли по-новому посмотреть на изучение различных стимулов человека, рождаемых окружающей средой, процессов вспоминания и запоминания информации, распознавания паттернов и восприятия проблем, а также подобрать ключи к пониманию таких сложных видов человеческой активности, как социальные суждения, аналитические рассуждения и обучение. Одновременно когнитивная психология обозначала ограничения, которые мешают индивидам действовать максимально рационально при принятии решений. Эти ограничения, согласно когнитивной теории, вынуждают людей полагаться на регулярно встречающийся набор когнитивных механизмов с целью упростить процесс принятия решений.

Известный в этой области американский исследователь А. Раппорт заметил, что в своих работах исследователи внешней политики опирались на несколько областей когнитивной психологии⁴. Одна из таких областей рассматривает убеждения и системы убеждений, которые выступают своего рода строительными блоками для большинства суждений. Он также отметил, что в этой традиции исследователи подробно изучили то, как различные субъекты социально-политических процессов используют эвристику и когнитивные предубеждения, чтобы справиться с неопределенностью и анархичностью, которая, по признанию теоретиков международных отношений⁵, характеризует международную среду.

В анализе внешней политики (АВП) набор когнитивных механизмов связан с суждениями о политических рисках и издержках. Для понимания условий, при которых такие суждения могут улучшаться с течением времени, решающее значение имеют факторы, которые препятствуют обучению или облегчают его, просто потому что ни один когнитивный процесс не протекает в вакууме, но регулируется групповым контекстом и эмоциями индивида.

1 Lasswell 1930.

2 Valk 2012.

3 Holsti 1976; Axelrod 1976; Паршин 2001.

4 Rapport 2017.

5 Waltz 1959

Возрастающая значимость нейробиологии в понимании и объяснении политических явлений позволяла на раннем этапе становления дисциплины заполнять лакуны в доминирующих на тот момент в политической теории школах мысли – марксизме, психоанализе, критическом (кантианском) рационализме. Это было особенно важно в период холодной войны, когда запрос на изучение «главного противника» и логики его внешнеполитического поведения был неподдельным, а когнитивные подходы представлялись «шифром», способным «раскодировать» это поведение, с целью одновременно оценки устойчивости противника и оценки его готовности к эскалации и принятию иных решений, угрожающих безопасности и интересам Соединенных Штатов¹. Возможно, именно этим объясняется актуальный ренессанс интереса к синергии когнитивных исследований с исследованиями международных отношений и внешней политики государств.

Когнитивные исследования: новые подходы к анализу общественно-политических отношений?

Одним из важнейших научных результатов нейробиологических исследований на первичной стадии стала проработка понятия *человеческой эмоциональности*: эмоции признавались «физическими» по той причине, что каждое нейрохимическое событие является физическим². Таким образом, принятие человеком решений или даже его моральный выбор соответствуют определенным нейрохимическим процессам в мозгу и, следовательно, имеют физическое измерение.

Связь строения нейронов с когнитивными способностями живых существ подтверждалась такими установленными опытным путем (сперва на крысах, потом на людях) фактами, как увеличение в результате их обучения количества и размеров синапсов³, уменьшение эффективности передачи нервного импульса по синапсам (которое наблюдается у людей, страдающих синдромом Альцгеймера). В большинстве исследований проблема адаптации результатов нейробиологических исследований и анализа когнитивных процессов разрабатывалась в ракурсе прогнозирования принятий решений⁴.

Публикация в начале 2000-х гг. книги американского политолога и философа У. Конноли, специализирующегося на демократических теориях, заложила такое направление, как «нейрополитика» (*neuropolitics*)⁵, – междисциплинарную область науки, которая исследует взаимодействие мозга и политики⁶. Одноименная книга У. Конноли была посвящена роли аффекта в познании, и ее основной тезис заключался в том, что рационалистические и делиберативные теории демократии не в состоянии ответить на вопрос, каким образом интуитивные методы оценки

1 Herrmann 1985.

2 Nam, Lee 2014.

3 Синапс (греч. Σύναψις – соединение, связь) – место контакта между двумя нейронами или между нейроном и получающей сигнал эффекторной клеткой.

4 Minz 2019; Levy 2013; Herrmann, Choi 2007.

5 Connolly 2002.

6 В интерпретации У. Конноли нейрополитика объединяет работы из различных научных областей, включая нейробиологию, политологию, психологию, поведенческую генетику, приматологию и этологию.

вливают на политическое мышление ниже сознательного «регистра» причин и аргументов. Иными словами, У. Конноли критиковал либеральных теоретиков за то, что они не признают роли интуитивного «регистра» в их собственном мышлении, и то, как их собственная «ограниченная чувствительность и метафизические инвестиции» влияют на их предположительно нейтральные утверждения о постметафизическом общественном разуме.

Тематика аффекта и его роли в процессе принятия решений и формирования мнения широко популярна и в настоящее время. *Аффективная неврология*, разработанная Я. Панксеппом, использует более широкий эволюционный и этологический (т.е. генетически обусловленный) взгляд на эмоции¹. Я. Панксепп развивал интегративный подход, который выявляет признаки общих эмоциональных систем млекопитающих и продвигал комплексный иерархический взгляд на то, как эмоции генерируются и модулируются в мозгу. Его междисциплинарные исследования ссылаются на разработки в области когнитивной и поведенческой нейронауки, аффективной нейробиологии и глубинной нейропсихологии, которые исследуют различие между сознательными и бессознательными психическими процессами. Этот подход позволяет более точно теоретизировать то, каким образом эмоции влияют на познание и поведение.

Некоторые исследователи предлагают разграничивать эмоции и аффект². В частности, социальный теоретик Б. Массуми утверждает, что аффекты и эмоции «следуют разным логикам»³. Вместе с тем между исследователями, занимающимися нейробиологией и эмоциями, в последние годы появляется больше точек соприкосновения, что отражается в определенной унификации выводов. Во-первых, есть понимание, что эмоции имеют нейробиологическую основу, но не сводятся исключительно к «проблеме мозга». Во-вторых, установлено, что социальное взаимодействие влияет на нейробиологию, особенно с учетом феномена так называемой нейропластичности, при котором нейронные структуры формируются под влиянием окружающей среды. Соответственно, культура и институты также влияют на переживание и выражение эмоций. В-третьих, эмоции и познание образуют тесную связь, тем самым «вовлекая» эмоции почти во все аспекты принятия решений⁴.

В прикладном отношении изучение эмоций важно с точки зрения их роли в принятии решений и в обучении, так как эмоции фактически являются маркером, который «цепляется» на элементы опыта или убеждения. Кроме того, эмоции сами по себе составляют среду принятия решений. Анализируя ситуацию и находясь «в позитивном настроении», люди склонны больше полагаться на общие знания, а не на более тщательный анализ конкретных элементов обстановки. Индивиды, испытывающие негативные эмоции, в большей мере склонны учитывать уникальность ситуации. Однако сильный стресс может привести к так называемому *реализующему типу мышления*, когда индивид уверенно выполняет построенные до этого планы, не учитывая связанные с этим риски и издержки⁵.

1 Panksepp 2004.
2 D'Aoust 2014.
3 Massumi 2002.
4 Vertzberger 1990.
5 Bless 2000.

Разумеется, предметом когнитивных исследований являются не только эмоции, но более широкая палитра факторов и модальностей участия индивидов и небольших групп в принятии решений. Некоторые исследователи, как, например, В. Хадсон¹, сводят анализ внешней политики к изучению психо-когнитивных процессов. Однако в основном исследователи, занимающиеся данной темой, придерживаются более умеренного и разностороннего подхода: они не заявляют о полной иррациональности субъектов международных отношений, но согласны с необходимостью «спускаться» на уровень психологии и нейробиологии для понимания более «тонких настроек» при анализе внешнеполитического поведения².

В этом смысле одной из основных задач когнитивной теории является объяснение природы иррациональных поступков политических субъектов³. Несмотря на то что каждый индивид уникален (разные лидеры, оказавшись в одинаковой ситуации, с высокой долей вероятности выберут различные стратегии, исходя из своих убеждений, опыта и т.п.), некоторые особенности мышления склонны проявляться в среднем у большинства людей. В случае с лицами, принимающими решения (ЛПР), подобные особенности часто влияют на проводимый ими курс или их действия в кризисной ситуации. Таким образом, изучение подобных паттернов позволяет анализировать и предсказывать поведение политических субъектов.

Политический анализ периода 2010-х гг. обращается к нейробиологии в поисках понимания более глубоких мотивов, лежащих в основе политического поведения в недавних событиях⁴. В одном из таких исследований рассматривалась нейробиология переговоров с Ираном по поводу его ядерной программы⁵. В другом исследовании нейробиология использовалась для объяснения приверженности некоторых избирателей определенным политическим воззрениям во время избирательных кампаний 2016 г. в США⁶. Л. Змигрод в своем исследовании 2021 г.⁷ изучает проблему догматизма и идеологии: анализирует результаты исследований, проводимых с помощью МРТ, на предмет обработки мозгом различных категорий, а также каким образом политическая идеология модулирует расовую категоризацию. Другим направлением его анализа является изучение природы поляризации общества и «проблемы дезинформации»: он пытается найти ответ на вопрос, как человеческий мозг обрабатывает исправления политической дезинформации и какие психологические предрасположенности делают людей устойчивыми перед лицом пропаганды и «идеологически поляризующей информации». Параллельно с этим развивается направление исследований, посвященных более глубокой теоретизации онтологических проблем, – направление «нейрофилософии».

1 Hudson 2005.

2 Beasley et al. 2001.

3 Rosati 2000.

4 McDermott 2004.

5 "The Neuroscience Guide to Negotiations with Iran," *The Atlantic*, January 14, 2014, accessed June 17, 2024, <https://www.theatlantic.com/international/archive/2014/01/the-neuroscience-guide-to-negotiations-with-iran/282963/>.

6 "Why Trump and Clinton Voters Won't Switch: It's in Their Brains," *Scientific America*, May 3, 2016, accessed June 17, 2024, https://www.scientificamerican.com/article/why-trump-and-clinton-voters-won-t-switch-it-s-in-their-brains/?utm_source=twitterfeed&utm_medium=twitter.

7 "Computational and Neurocognitive Approaches to the Political Brain: Key Insights and Future Avenues for Political Neuroscience," *Philosophical Transactions B*, February 22, 2021, accessed June 17, 2024, <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rstb.2020.0130>.

Ряд нейробиологических исследований показывает, что процесс формирования и изменения мнений тесно связан с нейронными аппаратами мозга, где разные части мозга по-разному участвуют в формировании мнений, и чем больше убеждения связаны с общественными ценностями, тем труднее их изменить¹.

Наличие у человека когнитивных ограничений, т.е. ограничений в объемах запоминаемой и обрабатываемой информации, приводит к необходимости трансформации процесса принятия решений. На личном уровне этой цели служит набор убеждений, то есть установок, выстраивающих упрощенную логику восприятия реальности и принятия решения². Так, инструментальные убеждения определяют соотношения целей и средств, а философские отвечают за восприятие фундаментальной природы политики: является ли для международных отношений естественным состоянием конфликт или сотрудничество. С убеждениями оказываются тесно связаны образы, то есть представления о других акторах (например, образ врага/друга). Образы являются упрощенными версиями их референтов и могут оказать серьезное влияние на выбор политического курса³. Например, западные политики склонны объяснять действия контрагентов их личными качествами, а не ситуационным давлением. Это приводит, в частности, к усугублению дилеммы безопасности, когда наращивание вооружений связывают с внутренней агрессивностью, а не с условиями среды⁴.

Помимо установок и образов поведения, характер принимаемых решений также определяется *эвристиками* – полноценными паттернами мышления и действия в определенной ситуации. Эвристики, как об этом много писали известные психологи Д. Канеман и А. Тверски, часто формируются на основе личного опыта и могут оказаться полезны, когда времени на принятие решения оказывается мало, либо число вводных для принятия такого решения оказывается недостаточным⁵. Но они также приводят к ошибкам, в том числе логического толка. Некоторые эвристики участвуют во всех процессах принятия решений и ведут к тому, что индивид еще до определения сильных и слабых сторон решительно исключает некоторые [альтернативные] варианты. Например, политики склонны, не обдумывая, отметить варианты, которые выглядят как угрожающие для их карьеры, и только затем более рациональным образом оценивать оставшиеся опции⁶.

На институциональном уровне решить проблему когнитивных ограничений призвана так называемая *процедурная рациональность*, которая предполагает, что существующие процедуры и институты ограничивают пространство выбора, подталкивая принимающие решения лица к наиболее рациональному выбору⁷. Однако и у процедурной рациональности отмечаются определенные методологические ограничения. Так, ЛПР свойственно «довольствоваться», то есть выбирать политику, которую они посчитали достаточно «хорошей», даже если

1 Larson 1994.

2 Jervis 2006.

3 Журавлева 2024.

4 Axelrod 1976.

5 Tversky, Kahneman 1981.

6 Allison 1971.

7 Simon 1972.

дальнейший анализ проблемы может привести к выбору политики с большей полезностью.

Общие черты в поведении индивидов проявляются также в их отношении к риску: ЛПР готовы рисковать в большей мере, когда теряют, чем когда приобретают. Из этого утверждения следует ряд важных для анализа международных отношений выводов. В частности, лидеры «увядающих» держав в большей мере склонны к риску при принятии решений, чем лидеры так называемых восходящих держав. По этой же логике, проще осуществлять «сдерживание» (*deterrence*), чем «принуждение» (*coercion*): в то время как первое предполагает, прежде всего, отказ от выгоды, второе – принятие потери. Кроме того, когда речь идет о долгосрочной перспективе, акторы склонны игнорировать многие риски, которые бы они не игнорировали в иных обстоятельствах. Объясняется это тем, что, поскольку горизонт событий усложняет анализ осуществимости планов, индивиды фокусируются на желательности своих целей. Это, в свою очередь, оказывает влияние на то, как государственные лидеры думают о противодействии будущим угрозам или использовании будущих потенциальных возможностей, а также на то, как в случае начала войны они оценивают боевые задачи в сравнении с задачами постконфликтными¹.

Важной составляющей когнитивных исследований международных отношений является *проблема обучения*². Практика показывает, что политики не всегда извлекают правильные уроки из прошлых событий. Зачастую они чрезмерно обобщают события прошлого, игнорируя различия между историческими и текущими случаями, и моделируя аналогии по формуле $AX:BX::AY:BY$: у события A был атрибут X , который есть сейчас у события B , поэтому поскольку у A был также атрибут Y , то он есть и у B ³. Фактически этим принципом руководствовались сторонники «теории домино», ориентированной на сдерживание коммунизма и ставшей причиной войны США во Вьетнаме. Они использовали «мюнхенскую аналогию», ссылаясь на уступки, сделанные А. Гитлеру в 1938 г., и утверждали, что умиротворение враждебной силы ведет к дальнейшей агрессии. При этом особенности международной среды и самой «враждебной силы» фактически игнорировались⁴. Аналогичной выглядит аргументация США и их союзников в современном украинском конфликте. Призывы продолжать военные поставки и оказывать финансовую и политическую помощь Киеву подается как неременное условие купирования «российской агрессии», которое в противном случае непременно будет масштабировано Москвой на другие страны Европы. К слову, еще одним препятствием на пути к эффективному обучению считается ригидность убеждений: люди склонны искать доказательства, подтверждающие их мировоззрение, а не опровергающие его (*confirmation bias*).

Результаты исследований обучения могут быть применены не только при внешнеполитическом анализе или планировании, но и в дипломатической практике. Так, неврологические исследования показывают⁵, что персональ-

1 Jervis 2017.

2 Levy 1994.

3 Etheredge 1985.

4 Horowitz, Stam 2014.

5 Lieberman 2013.

ные встречи гораздо более результативны в плане донесения информации до собеседника, так как они в большей степени способствуют обучению, чем не-прямые формы общения.

Помимо исследований на уровне индивидов, работы по когнитивному анализу также объясняют и *поведение небольших групп*, ответственных за принятие решений (правительства, комитеты и т.д.)¹. Группа с общей ответственностью, например, коалиционное правительство, с большей вероятностью примет радикальное решение, так как в случае неудачи негативные эффекты будут распределены равномерно, а не «лягут» на одну партию. Кроме того, эффективность группы определяется и степенью ассоциации ее членов с самой группой и, соответственно, отстаивания в ней личных или групповых интересов. Так, во время Карибского кризиса правительство США выступало не как «единый организм», а как совокупность конкурирующих бюрократических субъектов, договаривающихся и идущих на компромисс друг с другом в интересах выработки единой стратегии². При этом сильный лидер может решить проблему разобщенности группы, но в таком случае существует угроза игнорирования мнения меньшинства при принятии решения.

Можно констатировать *отсутствие* у индивидов и *абсолютной рациональности*. При этом и ограничения рациональности также разнообразны и многослойны. Результаты их изучения несут множество возможностей практического применения в политике, где восприятие реальности лицами, принимающими решение, зависит от множества факторов, включая их характер, личный опыт, взгляды, положение в иерархии, совокупность внешних условий и пр.

Академик РАО Ю.И. Александров обращает внимание на то, что человеческий опыт складывается из систем нейронов, которые образуются и усложняются в течение жизни³. Таким образом, индивид с богатым опытом будет воспринимать реальность через высококодифференцированные системы. Однако в состоянии стресса, под влиянием сильных эмоций, происходит регрессия – возврат к низкодифференцированным системам, простому опыту. Например, логика, согласно которой «свой всегда прав несмотря ни на что», характерна для детей и становится менее выраженной с возрастом. Но эксперименты показали, что подобное мышление проявляется и у взрослых людей, находящихся под воздействием стресса⁴. Таким образом, в стрессовой ситуации реакция взрослых индивидов может оказаться идентичной реакции 7-9-летнего ребенка, поскольку в ситуации острого кризиса индивид начинает мыслить упрощенными категориями, игнорируя модель мышления, выстроенную его опытом.

Разное построение систем нейронов объясняет некоторые различия в восприятии мира в силу того, что происходит через личные ожидания, формируемые субъективным опытом. Рассуждая о различиях между «Западом» и «Востоком» сквозь призму когнитивно-психоповеденческой парадигмы, Ю.И. Александров делает вывод, что эти различия в своей основе сводятся к двум моделям мыш-

1 Robertson 1980.

2 Allison 1971.

3 Лекция Ю.И. Александрова «Восток и Запад: мозг, психика, поведение и культура» // YouTube. 14 ноября 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/live/qRXCKymjibY?si=0676b8GQ8vAdXtZU> (дата обращения: 17.06.2024).

4 Знаменская, Александров 2016.

ления: редуccionной (восприятие частей) и холистической (восприятие целого). Редуccionный тип мышления отвечает за анализ, а холистический – за креативность. Кроме того, эти типы мышления также связаны с доминированием в культуре индивидуализма или коллективизма. Из этих наблюдений, помимо прочего, следует и то, что результативный диалог с представителями других культур возможен только в случае признания различий, понимания и принятия того, что другие люди видят мир по-другому.

Отчасти эти выводы пересекаются с дискуссией 2010-х гг. на Западе, которая касалась корреляции между структурой мозга и политическими взглядами. Гипотеза подобных исследований состояла в том, что возможны неврологические корреляции между особенностями строения мозга и политическими предпочтениями. Одно из исследований когнитивных нейробиологов, изучавших строение миндалевидного тела мозга и передней поясной коры, выявило некоторые интересные (но не подтвержденные окончательно) закономерности: большая склонность к либерализму была связана с увеличением серого вещества в передней поясной коре, тогда как большее принятие консерватизма соответствовало увеличению объема правой миндалины¹. Иначе говоря, размер коры мозга у «либералов» больше, чем у «консерваторов», в то время как у вторых якобы больше миндалина (отвечающая за страх). Хотя при повторном проведении этих тестов результаты были аналогичными, окончательно зафиксировать подобную прямую корреляцию проблематично.

Существует и множество факторов, которые опосредуют политические предпочтения. Иными словами, нельзя наверняка утверждать, что формирование убеждений происходит исключительно на основе унаследованной структуры мозга. Скорее, это касается ключевого момента нейронауки, а именно того, что мозг пластичен и податлив. Это означает, что каждое действие, которым мы занимаемся, каким бы незначительным оно ни было, приводит к изменению этой структуры².

Когнитивная психология как аналитический и прогнозный инструмент (анализ кейсов)

Победа Д. Трампа на выборах президента США в 2016 г. стала для многих неожиданностью. Это событие стимулировало дискуссии об ошибках в анализе электоральной динамики и прогнозировании результатов выборов и способствовало развитию новых сфер и подходов к анализу этой предметной области. Наибольшее прикладное использование получили пять теорий когнитивной психологии, к которым стали обращаться американские аналитики и политтехнологи.

1. В 1979 г. группа исследователей из Стэнфордского университета в составе профессоров Ч. Лорда, Л. Росса и М. Леппера попыталась дать объяснение распространенному, но, как казалось, иррациональному явлению: убеждения,

1 Your Brain on Politics: The Cognitive Neuroscience of Liberals and Conservatives, Discover, September 7, 2011, accessed June 17, 2024, <https://www.discovermagazine.com/mind/your-brain-on-politics-the-cognitive-neuroscience-of-liberals-and-conservatives#Vds5atKqPbc>.

2 Neuro-philosophy of International Relations, Open Mind, June 17, 2017, accessed June 20, 2024, <https://www.bbvaopenmind.com/en/economy/geopolitics/neuro-philosophy-of-international-relations/>.

которых мы придерживаемся, уже влияют на то, как мы обрабатываем и усваиваем новую информацию¹. Иными словами, мы не учимся «рационально», воспринимая информацию и затем вынося обоснованное суждение. Напротив, на то, как мы учимся, с самого начала влияет то, что мы знаем и кем мы являемся. На первом этапе Ч. Лорд и его коллеги просили целевую аудиторию исследования ознакомиться с неким набором текстов, которые либо поддерживали, либо отвергали идею о том, что смертная казнь сдерживает преступность. Оказалось, что участники оценили исследования, подтверждающие их первоначальные убеждения, как более «методологически строгие». Те же, которые противоречили им, – как «некачественные».

Известный нью-йоркский психолог (с российскими корнями) М. Конникова обратила внимание на это исследование как способ объяснить, почему сторонники Д. Трампа продолжают его поддерживать независимо от того, какие доказательства против его поддержки им предоставляют, и почему оппонентов Трампа не убеждает его «полезность» в качестве руководителя США, даже если в конечном итоге он действительно «сделает Америку снова великой»². Аналогичным образом можно объяснить поведение сторонников Дж. Байдена, В. Зеленского и других политиков, которые продолжают поддерживать своих лидеров вне зависимости от доказательств скандалов с их участием. Этот процесс фактически говорит о том, что две группы – сторонников и противников – обрабатывают информацию не одинаково.

В другом исследовании, которое провела та же группа профессоров, анализировалось восприятие трагедии на примере «осады Бейрута» 1982 г., когда в результате операции израильской армии по выдавливанию из города подразделений Организации освобождения Палестины (ООП) погибло, по официальным данным, около 37 тыс. человек. Исследователи пришли к выводу, что «эффект поляризации» восприятия был особенно сильным среди наиболее ярких сторонников участников конфликта. В случае с «осадой Бейрута» более радикальные сторонники интерпретировали факты более предвзято и по-другому вспоминали освещение событий в СМИ. В частности, они увидели больше негативных упоминаний в отношении поддерживаемой ими стороны и опасались, что «неопределившиеся» (дословно – беспартийные) граждане будут более негативно настроены именно против них, а не против их оппонентов, что, в свою очередь, обострит их восприятие нападков на них и только укрепит их в собственном мнении, сделает менее гибкими для переговоров.

Вторым выводом того исследования стало то, что чем больше такие граждане знают о проблеме, тем больше они воспринимают предвзятость в отношении себя. Это исследование может в определенной мере объяснить поведенческие модели сторонников и противников Израиля и ХАМАС в актуальном противостоянии, а также более негативную реакцию сторонников Д. Трампа на критикующие его средства массовой информации, чем сторонников Дж. Байдена на критикующие его прореспубликанские СМИ.

1 Lord et al. 1979.

2 Maria Konnikova, "The Psychological Research That Helps Explain the Election," *The New Yorker*, December 25, 2016, accessed June 17, 2024, <https://www.newyorker.com/science/maria-konnikova/the-psychological-research-that-helps-explain-the-election>.

Другое популярное исследование об управлении «предвзятостями» авторства профессора когнитивной нейробиологии из Университетского колледжа Лондона Т. Шарот утверждает, что человеческое сознание «запрограммировано» на оптимизм: мы думаем, что будущее будет лучше, чем прошлое. По мнению Т. Шарот, феномен, который она назвала «предвзятость оптимизма» (*optimism bias*)¹, коренится в склонности человека отмахиваться от вещей, которые нас беспокоят или по какой-то причине нам не нравятся, как от неких отклонений от «нормы». Именно «запрограммированность» на надежду не дает человеку рационально оценить текущие риски и проблемы, даже когда они по всем признакам говорят о том, что лучшее будущее может не наступить. В этом, по мнению исследователя, сокрыто большое пространство для манипуляций ожиданиями населения, ошибок прогнозирования начала войн и экономических кризисов.

2. Исследователь-психолог из Йельского университета Д. Кахан на протяжении многих лет занимается темой «культурного познания» (*cultural cognition*), пытаясь ответить на вопрос, как ценности формируют восприятие риска и политические убеждения. Одно из его научных открытий заключается в том, что люди часто занимаются познанием, защищающим идентичность (*identity-protective cognition*): они обрабатывают информацию таким образом, чтобы защитить свое представление о себе². Таким образом, не соответствующая этим представлениям информация отбрасывается, а вспомогательная охотно сохраняется. Наша память таким образом на самом деле оказывается искаженной: мы способны лучше обрабатывать и вспоминать факты, которые мы мотивированы обработать и вспомнить, в то же время удобно забывая те, которые, по нашему мнению, не соответствуют действительности. Гарвардский психолог С. Пинкер называет эту теорию «политическим и интеллектуальным трибализмом» (*political and intellectual tribalism*): люди тяготеют к интеллектуально подобным (и похожим) себе, даже когда действия тех, к кому они тяготеют, должны, казалось бы, вызывать тревогу³.

Поскольку эта теория стала популярной у политических практиков с приходом Д. Трампа, именно его феномен также пытались объяснить ее положениями. В частности, С. Пинкер обратил внимание на то, что Д. Трамп завоевал расположение практически всей Республиканской партии и тех, кто чувствовал себя в американской политике «отчужденным», заявив, что выступает против истеблишмента и политкорректности. В итоге, несмотря на неприятие Д. Трампом идеи свободной торговли и открытых границ (что должно было, но не отторгло его от либертарианцев), его далекий от пуританского образ жизни и любовные связи (которые должны были, но не отторгли от него евангелистов), его симпатии к России и лично президенту В.В. Путину (которые должны были, но не отторгли от него националистов-патриотов) и его скептическое отношение к американским союзам с европейскими демократиями (что должно было, но не отторгло от него неоконсерваторов), – все эти группы его поддержали.

3. Профессор-психолог из Принстонского университета К. Стеннер в своей работе «Авторитарная динамика» (*The Authoritarian Dynamic*) формулирует природу

1 Sharot 2021.

2 Kahan et al. 2007.

3 Pinker 2011.

авторитаризма как психологической черты как «стремление к строгому порядку и контролю»¹. По мнению К. Стеннер, большинство людей не являются авторитарными сами по себе. Но только когда мы чувствуем, что находимся под угрозой – особенно то, что К. Стеннер называет «нормативной угрозой» (*normative threat*), или «угрозой воспринимаемой целостности морального порядка» (*perceived integrity of the moral order*) – человек внезапно «сворачивает» открытость и формулирует запрос на большую силу и авторитарную власть: люди хотят защитить свой образ жизни, и когда они думают, что он находится в опасности, они начинают искать более радикальные альтернативы. Опираясь на это психологическое наблюдение, К. Стеннер еще в 2005 г. предсказывала конфликты в западных обществах, связанные с нетолерантностью в отношении мигрантов и, как следствие, рост популярности национально-ориентированных политиков и партий.

По ее мнению, поощряемая в западных культурах свобода создает те самые условия, которые гарантированно подтолкнут латентных авторитарных деятелей к «внезапным и интенсивным, возможно, жестоким и почти наверняка неожиданным проявлениям нетерпимости... Тот вид нетерпимости, который проистекает из аномальной индивидуальной психологии, а не из бескорыстного поглощения широко распространенных культурных норм, неизбежно будет более динамичным и иррациональным, менее предсказуемым, менее поддающимся убеждению и более усугубляемым, чем воспитываемым культурным поощрением толерантности»².

Еще одна – в чем-то похожая – теория, связанная с управлением восприятием масс, была разработана психологом, профессором организационного поведения Стэнфордского университета М. Гельфанд. По ее мнению, когда люди осознают более высокий уровень угрозы и находятся в состоянии стресса, они поддерживают лидеров, которые обещают более жесткие правила и большую силу. Гельфанд назвала этот феномен «культурной жесткостью» (*cultural tightness*) и определяет ее как «стремление к сильным социальным нормам и низкой толерантности к любому виду девиантного поведения»³. Исследователь считает, что по мере того, как восприятие угрозы возрастает, даже более свободные культуры – с высокой терпимостью и более низкими нормами – начинают ужесточать внутренние правила и ожесточаться по характеру своего поведения. В качестве примеров она называет поведение политиков на выборах, когда они преднамеренно разжигают чувство угрозы и страха (перед мигрантами, терроризмом, внешними и внутренними врагами), с тем чтобы предстать перед избирателем в качестве наиболее подходящей фигуры лидера в решении обозначенных ими проблем.

4. В 2010 г. группа ученых из Калифорнийского университета в Санта-Барбаре во главе с профессорами Дж. Туби и Л. Космайд представила результаты своего многолетнего исследования в виде работы «Группы в сознании: коалиционные корни войны и морали»⁴. Эти ученые, сделавшие себе имя в профессиональном сообществе в области эволюционной психологии, продол-

1 Stenner 2010.

2 Stenner 2005.

3 Подробно о применении этой модели к анализу других политических сюжетов этом см.: Гельфанд М. Рефлекс угрозы // Россия в глобальной политике, 22 сентября, 2021, URL: <https://globalaffairs.ru/articles/refleks-ugrozy/>.

4 Tooby, Cosmides 2010.

жительное время исследовали феномен «возмущения / негодования» (*outrage*) в целях мобилизации разного рода [политических] коалиций. Их тезис состоит в том, что люди, как и животные, предрасположены к созданию коалиций: чтобы лучше защитить себя, мы сотрудничаем с теми, кого видим «внутри нашей коалиции», и противостояим тем, кого видим «за ее пределами». На примере политических кампаний они демонстрируют, что одним из действенных способов побудить политические коалиции к действию является их объединение против «предполагаемого возмущения». Подобная динамика неоднократно использовалась политиками, особенно в кризисные времена или в выборный период: фактор «возмущения» поднимался с целью укрепления единства группы (коалиции) и – более того – становился эффективным инструментом управления мобилизационным духом коалиции.

5. Наконец, еще одна теория на стыке социальной и когнитивной психологии, к которой иногда прибегают для объяснения характера межгосударственных отношений, – фундаментальная ошибка атрибуции (*fundamental attribution error*). Эта теория обозначает переоценку личностных и недооценку обстоятельственных причин при интерпретации поведения индивида. Иными словами, она относит за счет личностных факторов свои позитивные действия («я хороший по своей сути») и негативно оцениваемые действия оппонента («чего еще от него ждать?»), в то время как внешними факторами, наоборот, объясняет свои неприглядные действия и позитивные действия оппонента (они считаются вынужденными). Хотя эта теория рассчитана на оценку отношений на уровне индивидов, известный американский русист М. Рожански¹ использует эту теорию для объяснения характера российско-американских отношений: стороны склонны оправдывать собственное поведение внешними обстоятельствами («американская демократия подвергается нападкам» или «США обманули советское руководство о нерасширении НАТО»), однако объяснение логики поведения другой стороны происходит с позиций приписываемых ей «врожденных» плохих качеств: «США – имперская держава, стремящаяся к гегемонии», «Россия – авторитарная страна, склонная к территориальным захватам».

Заключение

Когнитивные исследования содержат богатый потенциал для более глубокого изучения международных отношений и внешней политики государств. В настоящее время приоритетными направлениями исследований и разработок выступают восемь областей:

- процессы принятия решений и модели прогнозирования;
- влияние интуиции и инстинктов на политическое мышление (за пределами рациональных аргументов);
- связь процесса формирования мнений и ценностей с нейронным аппаратом мозга;

1 Мэтт Рожански – бывший директор института Кеннана в Международном научном центре имени Вудро Вильсона, в настоящее время президент и исполнительный директор Американско-российского фонда по экономическому развитию и верховенству права (USRF), внесенного в российский реестр подсанкционных организаций

- связь между структурой мозга и политическими взглядами;
- «проблема эмоций»: влияние культуры и социальных институтов на наши эмоции и роль эмоций при принятии решений;
- «проблема аффекта»: аффективная нейронаука и нейропсихология как метод глубокого теоретизирования онтологий и мотиваций субъекта;
- «проблема происхождения»: влияние нейронного аппарата мозга на появление теорий расизма, шовинизма, иных идеологических предрасположенностей и фобий;
- психологические аспекты переговорного процесса.

Одни исследователи полагают, что нейробиология сможет стать одновременно решением проблемы «агента и структуры» и связующим звеном между ними¹. Другие – что изучение структур и функций мозга может расширить представления о сути эмоций и аффекта в вопросе их влияния на социальное взаимодействие между индивидами². Так или иначе, уже имеющиеся исследования в этой области демонстрируют, что результаты нейробиологических экспериментов в сочетании с контекстуальными фактами и методами социо-гуманитарных наук образуют сети значений, которые могут объяснить и интерпретировать динамику международных отношений совершенного с другого, не традиционного для теории международных отношений угла.

Несмотря на некоторое сближение позиций по вопросу «обусловленности» эмоций (нейробиологические причины + социальный конструкт), к настоящему времени в исследованиях по нейронауке до сих пор не сложилось однозначного консенсуса относительно четкой корреляции между нервным аппаратом и «социальной самостью». Недавние исследования в области неврологии предполагают, что почти все психологические специализации «высшего» неокортекса³ млекопитающих приобретаются, а не являются внутренними⁴. В отличие от нейронных коррелятов⁵, этот анализ использует понятие нейробиолога Г. Нортоффа о нейронных предрасположенностях, которые влекут за собой нейронные условия, необходимые, но недостаточные для объяснения психологических процессов. Соответственно, пока в отношении междисциплинарных усилий в этой области, таких как «нейроэкономика»⁶, которые стремится установить «связи между измеримой нейронной активностью и концепциями, подобными полезности, полученными из экономики», немало скепсиса. Аналогичный вывод можно сделать и в отношении так называемой нейрополитики.

Тем не менее рост числа исследований, посвященных изучению цепочки взаимосвязей «структура мозга – эмоциональные реакции – когнитивистика / особенности восприятия реальности – формирование политических предпочте-

1 Holmes 2014.

2 Renée 2014.

3 Неокортекс – новые области коры головного мозга, которые у низших млекопитающих только намечены, а у человека составляют основную часть коры.

4 Panksepp, Biven 2012.

5 Нейронные корреляты – минимальный набор нейронных событий и механизмов, достаточных для конкретного сознательного восприятия.

6 Нейроэкономика – междисциплинарное направление в науке на пересечении предметов экономической теории, нейробиологии и психологии. Она изучает процесс принятия решений при выборе альтернативных вариантов, распределении риска и вознаграждения.

ний – процесс принятия решений», свидетельствует о возрастающем интересе к данной проблеме как ученых-международников, так и социологов, психологов и других специалистов междисциплинарного профиля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Знаменская, И.И., Александров, Ю.И. Отношение к «чужим» при стрессе разного генеза // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2016. №3. С. 159–167. <https://doi.org/10.21638/1701/spbu16.2016.314>.
- Znamenskaya, Irina I., and Yuriy I. Alexandrov. "Different Types of Stress Alter Moral Attitude Towards Outgroup Members." *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, no. 3 (2016): 159–167 [In Russian].
- Журавлева, В.И. Россия и США как значимые Другие в национальных дискурсах идентичности // Международная аналитика. 2024; 15 (1): 20–45. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-20-45>.
- Zhuravleva, V.I. "Russia and the United States as Constitutive Others in the National Identity Discourses." *Journal of International Analytics* 15, no. 1 (2024): 20–45 [In Russian].
- Паршин, П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // *Scripta linguisticae applicatae*. Проблемы прикладной лингвистики / под ред. А.И. Новикова. М.: «Азбуконик», 2001. С. 181–208.
- Parshin, Pavel B. "Research Practices, Subject and Methods of Political Linguistics." In *Scripta linguisticae applicatae. Problems of Applied Linguistics*, edited by A.I. Novikov. Moscow, Azbukovnik (2001): 181–208 [In Russian].
- Allison, Graham. *Essence of Decision: Explaining the Cuban Missile Crisis*. Boston: Little, Brown and Company, 1971.
- Axelrod, Robert. *Structure of Decision: The Cognitive Maps of Political Elites*. Princeton University Press, 1976.
- Beasley, Ryan, Kaarbo, Juliet, Hermann, Charles, and Margaret Herrmann. "People and Processes in Foreign Policymaking: Insights from Comparative Case Studies." *International Studies Review* 3, no. 2 (2001): 217–250. <https://doi.org/10.1111/1521-9488.00238>.
- Bless, Herbert. "The Interplay of Affect and Cognition: The Mediating Role of General Knowledge Structures." In *Feeling and Thinking: The Role of Affect in Social Cognition*, edited by J.P. Forgas, Cambridge University Press (2000): 201–222.
- Etheredge, Lloyd. *Can Governments Learn? American Foreign Policy and Central American Revolutions*. New York: Pergamon, 1985.
- Essays on Neuroscience and Political Theory: Thinking the Body Politics*, edited by F. Vander Valk, 2012.
- Holsti, Ole. "Cognitive Process Approaches to Decision-Making: Foreign Policy Actors Viewed Psychologically." *American Behavioral Scientist* 20, no. 1 (1976): 11–32. <https://doi.org/10.1177/000276427602000103>.
- Connolly, William. *Neuropolitics: Thinking, Culture, Speed*. University of Minnesota Press, 2002.
- D'Aoust, Anne-Marie. "Ties that Bind? Engaging Emotions, Governmentality and Neoliberalism: Introduction to the Special Issue." *Global Society* 28, no. 3 (2014): 267–276. <https://doi.org/10.1080/13600826.2014.900743>.
- Jervis, Robert. *How Statesmen Think: The Psychology of International Politics*. Princeton: Princeton University Press, 2017.
- Jervis, Robert. "Understanding Beliefs." *Political Psychology* 27, no. 5 (2006): 641–663. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2006.00527.x>.
- Herrmann, Richard, and Jong Kun Choi. "From Prediction to Learning: Opening Experts' Minds to Unfolding History." *International Security* 31, no. 4 (2007): 132–161.
- Herrmann, Richard. "Analyzing Soviet Images of the United States: A Psychological Theory and Empirical Study." *Journal of Conflict Resolution* 29, no. 4 (1985): 665–697.
- Holmes, Marcus. "International Politics at the Brain's Edge: Social Neuroscience and a New 'Via Media'." *International Studies Perspectives* 15, no. 2 (2014): 209–228.
- Horowitz, Michael, and Allan Stam. "How Prior Military Experience Influences the Future Militarized Behavior of Leaders." *International Organization* 68, no. 3 (2014): 527–559. <https://doi.org/10.1017/S002081834000046>.
- Hudson, Valerie. "Foreign Policy Analysis: Actor-specific Theory and the Ground of International Relations." *Foreign Policy Analysis* 1, no. 1 (2005): 1–30. <https://doi.org/10.1111/j.1743-8594.2005.00001.x>.
- Kahan, Dan, Braman, Donald, Gastil, John, Slovic, Paul, and C.K. Mertz. "Culture and Identity – Protective Cognition: Explaining the White–Male Effect in Risk Perception." *Journal of Empirical Legal Studies* 4, no. 3 (2007): 465–505 <https://doi.org/10.1111/j.1740-1461.2007.00097.x>.
- Larson, Deborah. "The Role of Belief Systems and Schemas in Foreign Policy Decision-Making." *Political Psychology* 15, no. 1 (1994): 17–33. <https://doi.org/10.2307/3791437>.
- Lasswell, Harold. *Psychopathology and Politics*. Chicago: University of Chicago Press, 1930.
- Levy, Jack. "Psychology and Foreign-Policy Decision-Making." In *The Oxford Handbook of Political Psychology*, edited by Leonie Huddy, David Sears, Jack Levy, 301–333, 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2013.
- Levy, Jack. "Learning and Foreign Policy: Sweeping a Conceptual Minefield." *International Organization* 48, no. 2 (1994): 279–312. <https://doi.org/10.1017/S0020818300028198>.
- Lieberman, Matthew. *Social: Why Our Brains Are Wired to Connect*. New York: Crown Press, 2013.
- Lord, Charles, Ross, Lee, and Mark Lepper. "Biased Assimilation and Attitude Polarization: The Effects of Prior Theories on Subsequently Considered Evidence." *Journal of Personality and Social Psychology* 37, no. 11 (1979): 2098–2109. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.37.11.2098>.
- Massumi, Brian. *Parables for the Virtual: Movement, Affect, Sensation*. Durham: Duke University Press, 2002.
- McDermott, Rose. "The Feeling of Rationality: The Meaning of Neuroscientific Advances for Political Science." *Perspectives on Politics* 2, no. 4 (2004): 691–706. <https://doi.org/10.1017/S1537592704040459>.

Minz, Alex. *Integrating Cognitive and Rational Theories of Foreign Policy Decision Making*. IDC Herzliya, 2019. https://doi.org/10.1007/978-1-137-07848-3_1.

Nam, Tek-Jin, and Jong-Hoon Lee. "Understanding the Relation Between Emotion and Physical Movements." *International Journal of Affective Engineering* 13, no. 3 (2014): 217–226. <https://doi.org/10.5057/ijae.13.217>.

Panksepp, Jaak. *Affective Neuroscience: The Foundations of Human and Animal Emotions*. Oxford University Press, 2004.

Panksepp, Jaak, and Lucy Biven. *The Archaeology of Mind: Neuroevolutionary Origins of Human Emotion*. W.W. Norton & Company, 2012.

Pinker, Steven. *The Better Angels of Our Nature*. New York: Viking, 2011.

Renée, Jeffery. "The Promise and Problems of the Neuroscientific Approach to Emotions." *International Theory* 6, no. 3 (2014): 584–589. <https://doi.org/10.1017/S1752971914000311>.

Robertson, Roby. "Small Group Decision Making: The Uncertain Role of Information in Reducing Uncertainty." *Political Behavior* 2, no. 2 (1980): 163–188.

Rosati, Jerel. "The Power of Human Cognition in the Study of World Politics." *International Studies Review* 2, no. 3 (2000): 45–75. <https://doi.org/10.1111/1521-9488.00215>.

Sharot, Tali. "The Optimism Bias." *Current Biology* 21, no. 23 (2011): R941–R945. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2011.10.030>.

Simon, Herbert. "Theories of Bounded Rationality." In *Decision and Organization*, edited by C.B. McGuire and Roy Radner, 161–176. North-Holland Publishing Company, 1972.

Stenner, Karen. *The Authoritarian Dynamic*. Cambridge University Press, 2005.

Tooby, John, and Leda Cosmides. "Groups in Mind: The Coalitional Roots of War and Morality." In *Human Morality and Sociality: Evolutionary and Comparative Perspectives*, edited by Henrik Høgh-Olesen, 91–234. Palgrave-Macmillan, 2010.

Tversky, Amos, and Daniel Kahneman. "The Framing of Decisions and the Psychology of Choice." *Science* 211, no. 4481 (1981): 453–458.

Vertzeberger, Yaacov. *The World in Their minds: Information Processing, Cognition, and Perception in Foreign Policy Decision-Making*. Stanford, CA: Stanford University Press, 1990.

Waltz, Kenneth. *Man, the State, and War*. New York: Columbia University Press, 1959.

Сведения об авторах

Максим Александрович Сучков,

к. полит. н., доцент кафедры прикладного анализа международных проблем,
директор ИМИ МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

e-mail: max-suchov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3551-7256

Андрей Анатольевич Байков

к.полит.н., доцент кафедры прикладного анализа международных проблем,
проректор по научной работе МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

e-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 1 июня 2024.

Переработана: 17 июня 2024.

Принята к публикации: 19 июня 2024.

Благодарность

Авторы выражают благодарность П.Б. Паршину (канд. филол. наук, доценту, в.н.с. ИМИ МГИМО МИД России), а также аналитикам ИМИ МГИМО МИД России А.И. Гладышевой и М.А. Кучерову за помощь в подготовке рукописи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Сведения о финансировании

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение № 075-15-2022-327 от 22.04.2022 г.)

Цитирование

Сучков, М.А., Байков, А.А. Идеи и методы когнитивной науки в исследованиях международных отношений и внешней политики // *Международная аналитика*. 2024. Том 15 (2). С. 146–162.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-146-162>

Ideas and Methods of Cognitive Science in the Studies of International Relations and Foreign Policy

ABSTRACT

International studies have recently witnessed a renaissance of interest in the study of decision-making patterns related to the influence of individual and group actors and the resulting need to understand their deep psychology, the nature of their incentives and motivations. Such studies update the application of behavioral and cognitive sciences in the field of international relations and foreign policy, and encourage the adaptation of the methodology of specialized disciplines to solve complex socio-political problems. The present paper is an attempt to inventory key research subject areas and related literature, as well as to demonstrate the application of existing theories to the analysis of current political issues.

KEYWORDS

cognitive science, cognitive studies, cognitive psychology, international studies, foreign policy analysis

Authors

Maxim A. Suchkov,

PhD (Polit. Sci.), Associate Professor, Department of Applied International Analysis,
Director, the Institute for International Studies, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454.

e-mail: max-suchov@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3551-7256

Andrey A. Baykov,

PhD (Polit. Sci.), Associate Professor, Department of Applied International Analysis,
Vice-Rector, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454.

email: a.baykov@inno.mgimo.ru

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

Additional information

Received: June 1, 2024. Revised: June 17, 2024. Accepted: June 19, 2024.

Funding

The article was prepared within the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-327).

Acknowledgment

Authors express gratitude to Pavel B. Parshin (PhD in Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute for International Studies, MGIMO University), as well as analysts of the IIS MGIMO A.I. Gladysheva and M.A. Kucherov for help in preparing the manuscript.

For citation

Suchkov, Maxim A., and Andrey A. Baykov. "Ideas and Methods of Cognitive Science in the Studies of International Relations and Foreign Policy." *Journal of International Analytics* 15, no. 2 (2024): 146–162.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-2-146-162>